

Цзи Кай понятия не имел, что теперь делать. Ему просто безумно хотелось закурить.

На территории университета Х курение было строго запрещено. Однако аллея с белыми березами за задними воротами относилась уже к жилому кварталу для преподавателей и под запрет не попадала. Стоял собачий холод, осенний ветер гонял опавшие листья, вокруг не было ни души. Цзи Кай чиркнул зажигалкой и успел сделать всего две затяжки, когда боковым зрением уловил чье-то движение.

Пожалуй, из всех поступков в своей жизни Цзи Каю больше всего на свете хотелось бы отменить именно тот, который он совершил в следующую секунду.

Чжу Лин никогда не разрешал ему курить, и привычка прятать сигарету въелась в само его естество. В тот самый миг, когда Цзи Кай заметил знакомый силуэт, тело сработало раньше разума: словно старшеклассник-хулиган, застигнутый врасплох завучем, он испуганно завел руку с сигаретой за спину.

Когда до обоих наконец дошло, что произошло, они замлели, уставившись друг на друга. А затем глаза у обоих медленно налились краснотой.

Черт!

В В душе Цзи Кая развернулась настоящая картина апокалипсиса из 3D-кинотеатра, он сгорал от раскаяния! Кажется, даже если бы прямо на него накатила гигантская волна Всемирного потопа или вокруг начали рушиться небоскребы, это не стало бы столь позорным провалом, как его непроизвольная трусость.

Сжав зубы, он выдавил из себя хищную ухмылку и, неспешно шагнув вперед, произнес ровным голосом:

— В чем дело? Мы же вроде договаривались пока не встречаться?

— Кай-гэ, я... я пришел попрощаться.

— Прощаться?

— Ага. Я только что получил роль. Это редкая возможность — поработать с известным режиссером мирового уровня. Но съемки будут проходить в Южной Америке.

— ...

— Проект длинный, месяца на три. Вылетаю на следующей неделе. За сяо Яня не волнуйся, я договорился, чтобы первый семестр он пожил в общежитии. Ли Минсинь и Лэй Наньюй помогут присмотреть за ним, да и моя мама приедет. В общем... мы пока ничего не говорили сяо Яню о нас с тобой. Стоит ли говорить, и если да, то как... Кай-гэ, тебе решать. Я приму любое твоё решение.

«А как же Е Инь? — хотел спросить Цзи Кай. — Маленькая фея не едет с тобой? Только-только вышли из тени на свет — и сразу начинаете роман на расстоянии?»

Но он ничего не спросил. Что там у Чжу Лина с Е Инь, его больше не касалось.

— В Южной Америке не слишком спокойно. Будь осторожен.

— Угу.

— ...

— ...

Они молча простояли так еще с минуту. Наконец Чжу Лин, будто набравшись храбрости, с густо вспыхнувшим лицом проговорил:

— Кай-гэ, когда я вернусь, у тебя как раз начнутся зимние каникулы.

— ...

— Как насчет того, чтобы выкроить время и вдвоем с сяо Янем отправиться в автопутешествие?

— ... — Что за бред он несет?

Так и не дождавшись ответа, Чжу Лин натянуто улыбнулся, выглядя так, будто ему причинили нестерпимую боль:

— Ну да, сейчас говорить об этом не к месту. Ладно, вернемся к этому через три месяца. Кай-гэ, обещаю: когда ты снова меня увидишь, я буду совершенно другим человеком! И тогда я... я...

Казалось, он хотел сказать еще так много, но просто не решался.

— Кай-гэ, в общем... я вернусь через три месяца. До встречи!

Южная Америка. Три месяца.

Для Чжу Лина это были едва ли не самые долгие и тяжелые три месяца в жизни. К счастью, фильм впоследствии завоевал оглушительный успех, а его статус в шоу-бизнесе совершил невероятный рывок — фанаты называли это «перерождением из гусеницы в бабочку».

Вот только все это не имело для него ни малейшего значения.

Под несмолкающие оглушительные аплодисменты и слепящие вспышки софитов никто не знал, что именно он потерял на самом деле.

Если бы он только мог наперед знать, чем обернется эта поездка...

Честное слово, даже если бы ему приставили нож к горлу, он бы ни за что не уехал.

Он бы до последнего бесстыдно и отчаянно цеплялся за своего Медвежонка. Плевать на гордость, плевать на жизнь. Каждый день караулил бы его у университета, встречал у дома, слезно молил о прощении, отдавал бы все силы, чтобы обнять и искупить вину.

Тогда, возможно, у него оставалась бы хоть малейшая надежда.

...

Иногда Чжу Лин думал: может, у него просто несчастливая судьба?

Почему небеса решили подбросить ему соблазн ровно в тот момент, когда у него было абсолютно все и он был невероятно счастлив? Зачем нужно было разбивать его налаженную жизнь в пух и прах?

И почему сам он оказался настолько глуп, что пропускал мимо ушей слова своего менеджера, когда к ним следовало прислушаться, зато слепо верил всякой чуши, когда надо было думать своей головой? В итоге он выбрал самый катастрофически неверный путь.

Ведь поехать в Южную Америку его уговорила именно сестра Тун.

— Эх... ну и нездоровая же полоса пошла! Все шоу и сериалы, о которых мы договаривались, перехватил Ци Ян!

— Я все разузнала: он запрашивал до смешного низкие гонорары! Это же явный намек, он намеренно тебя давит! Эх, сяо Чжу Лин! А ведь я тебе говорила, да ты слушать меня не хотел!

— Сколько раз я тебе повторяла: Е Инь — человек директора Ли из «Пространства»! Держись от него подальше, подальше!

— А ты что?.. Я тут из кожи вон лезла, чтобы навести мосты и однажды выбить тебе эфир в прямом транслировании «Процветания», а ты! Взял и развелся из-за него! Намертво испортил отношения с Ли Вэйду! Теперь Ци Ян давит тебя по его указке, и как ты сомневаешься выбраться из этой ямы?!

— В конце концов, если бы у вас с ним была любовь до гроба, мне, сестре Тун, и сказать было бы нечего!

— Но что происходит теперь?! Развелся уже больше недели назад, а сам целыми днями только и твердишь: «Медвежонок, Медвежонок»... Если ты так безумно любишь своего благоверного, какого черта ты до этого путался с Е Инь?!

В начале сентября, столкнувшись с катастрофической ситуацией, сестра Тун была на грани нервного срыва.

За полчаса ожидания съемок макияж Чжу Лина поплыл трижды — гример уже едва сдерживал раздражение! К тому же эти распухшие от слез глаза невозможно было перекрыть никакой кометикой!

А ведь ему сейчас выходить на сцену развлекательного шоу! Как можно появляться в кадре с такой траурной физиономией?!

Опять, как в прошлый раз, взять деньги за работу, но вести себя непрофессионально и служить молчаливым фоном для чужих колкостей?

— Ах да, кстати. Е Инь все еще ждет тебя снаружи. Ты так и не хочешь его видеть?

Надо сказать, этот Е Инь тоже оказался упрямой пташкой.

Уже больше недели он каждый день дежурил у гримерки Чжу Лина с домашними обедами. Каждый раз, видя сестру Тун, он бросался к ней как к родной, выведывая, хорошо ли Чжу Лин поел и выспался ли, а в его больших глазах читались тревога и искренняя жалость.

Вот только это была игра в одни ворота.

— ...Сестра Тун, не обращай на него внимания.

Из-за развода Чжу Лин затаил на Е Инь глубокую обиду и категорически отказывался встречаться с ним лицом к лицу.

Сестре Тун все это казалось диким фарсом.

Еще месяц назад эти двое были неразлейвода! Чжу Лин даже прогуливал работу, чтобы поводить его по ресторанам, магазинам, покатасть на машине и закупить цветов. И никакой вины перед оставшимся дома мужем он тогда явно не испытывал!

Но стоило оформить развод, как ветреный бабник в одну секунду превратился в пылко влюбленного страдальца. Все внешние интрижки моментально стали не нужны — подавай ему только «Медвежонка».

Неужели мужское сердце — тоже потемки?

Пока она обдумывала это, Чжу Лин снова дрожащими руками вытащил из кармана «ту самую записную книжку» и углубился в чтение.

В последние дни он где-то раздобыл маленькую блокнотную книжечку размером с ладонь и открывал ее при каждом удобном случае. Открывал — и тут же заливался слезами.

На этот раз сестра Тун не выдержала: ей страстно захотелось посмотреть, над чем так убивается ее подопечный!

Приподнявшись на цыпочки и опершись на спинку кресла, она заглянула в блокнот. Внутри лежал вырванный книжный лист — судя по всему, из старого издания. Бумага успела немного пожелтеть, зато черный типографский шрифт пропечатался идеально четко. На странице было всего две строчки:

«Скарлетт, я никогда не был из тех, кто терпеливо собирает обломки, склеивает их, а потом говорит себе, что починенная вещь ничем не хуже новой.

Что разбито, то разбито — и я предпочитаю вспоминать то лучшее, что было между нами, чем до конца своих дней созерцать эти трещины».

— ...Э-э, что за бред? Это же «Унесенные ветром»?

Развод пробудил в Чжу Лине романтика? С чего это он вдруг принялся изучать шедевры мировой литературы?

Сзади повеяло женскими духами. Чжу Лин скривил губы с невероятно обиженным видом, его длинные пальцы задрожали.

— Сестра Тун, я всегда считал, что в подобных книгах сюжет развивается слишком медленно, а имен столько, что все и не запомнишь. У всех на полках стоит по экземпляру, вот и я купил себе такую же для красоты, но сам никогда не открывал.

— Но знаешь... как он издевался надо мной в тот день?

— Он даже говорить со мной не захотел! Просто подтащил меня к книжному шкафу, смахнул эту книгу с полки, полистал-полистал, вырвал этот кусок и швырнул мне!

— Ы-ы-ы, он же прекрасно знает, что я бросил учебу еще до окончания университета и пошел работать! Не то что он — доцент и научный сотрудник Института гражданского права! Перечитал кучу книг и может с ходу выдать такие ранящие слова! Он... он просто презирает меня за необразованность, считает, что я ему не пара, и ранит меня такими штуками! Ы-ы-ы...

— Чжу Лин, — бессильно вздохнула сестра Тун. — От начала и до конца этим извергом, который издевался над другим, был ты сам, понятно?

<http://bllate.org/book/18382/1767678>